

Женский голос в картезианстве XVII века: принцесса Елизавета Богемская

В.С. Трофимова

*Институт Иностранных Языков, кафедра английского языка
199178 Санкт-Петербург, 12 линия В.О., д.13*

В статье рассказывается о жизни и деятельности выдающейся женщины-философа XVII века принцессы Елизаветы Богемской. Философские взгляды Елизаветы рассматриваются в связи с ее личным опытом. Особое внимание уделяется отношениям Елизаветы с Анной-Марией ван Шурман и Рене Декартом. Делается акцент на философской переписке Елизаветы и Декарта.

Первая половина XVII века в Европе была омрачена событиями Тридцатилетней войны (1618–1648). С перипетиями этой войны самым непосредственным образом оказалась связана судьба семьи курфюрста Фридриха V Пфальцкого. Он лишился короны Богемии в самом начале Тридцатилетней войны — в битве при Белой горе близ Праги в ноябре 1620 г. Его жена и дети вынуждены были отправиться в изгнание. Старшая дочь в этой семье была едва ли не самой замечательной из детей. Это принцесса Елизавета, родившаяся в Гейдельберге в 1618 году.

Она носила имя своей матери, сестры английского короля Карла I Елизаветы Стюарт, прозванной «Зимней королевой». Елизавета Богемская-старшая после битвы при Белой горе отправилась в Гаагу. Ее старшая дочь отправилась в Бранденбург, где воспитывалась под надзором своей бабушки Луизы Юлианы, вдовы курфюрста Фридриха IV Пфальцкого.

Все дети «Зимней королевы» получили прекрасное образование — изучали древние и современные языки, различные науки — многие впоследствии ярко проявили себя на разных поприщах. Принц Руперт прославился в качестве сторонника Карла I в период гражданской войны в Англии, а также занимался гравированием методом меццо-тинто; принцесса Луиза Голландская стала прекрасной художницей-портретисткой. Принц Карл Людвиг готов был оказать покровительство Спинозе, а младшая дочь «Зимней королевы» принцесса София стала другом Лейбница. Однако именно принцесса Елизавета больше всех интересовалась философией, знала шесть языков, в том числе латынь, и за свою ученость получила в семье прозвище «Гречанка».

В 1633 году польский король Владислав IV стал просить руки Елизаветы, но от нее потребовали перейти в католичество. Елизавета отказалась. Она осталась при дворе матери в Гааге. Всю свою жизнь Елизавета чувствовала отвращение к придворным церемониям и условностям, однако, Голландия в то время была культурным и научным центром Западной Европы, и пребывание в Гааге давало принцессе возможность общаться с выдающимися учеными и философами.

К 1630-м годам относится знакомство Елизаветы с виднейшей ученой дамой того времени Анной-Марией ван Шурман. Шурман — философ, лингвист, поэтесса и художница — имела всеевропейскую известность, ее произведения переводили на другие европейские языки. Насчет обстоятельств и точной даты их встречи у биографов нет согласия. По мнению Джойс Ирвин, их познакомил богослов Андре Риве еще в 1632 году¹. По версии биографа Шурман Уны Берч, они встретились в студии художника Герарда Хонтхорста, который некоторое время держал собственную школу живописи в своем родном городе Утрех-

¹ Joyce I. Introduction // Schurman A.M. van. Whether a Christian woman should be educated and other writings from her intellectual circle. Ed. and transl. by Joyce I. Chicago, 1998. P. 12.

те¹. Ни Шурман, ни Елизавета не стали выдающимися художницами, но совместное обучение у Хонтхорста заложило основу их крепкой дружбы. Наконец, по мнению Элизабет Годфри, биографа принцессы Елизаветы, они могли познакомиться в Лейденском университете, где Шурман нередко бывала. Годфри относит эту встречу к 1633 году². Шурман, которая была на 11 лет старше Елизаветы, рекомендовала своей подруге книги по истории и философии (см. письмо 1639 г.).

В 1640 году в жизни Елизаветы происходит еще одна знаменательная встреча — встреча, во многом определившая место немецкой принцессы в европейской философии XVII века. Она познакомилась с Рене Декартом. Принцессу привлекли простота и глубина картезианской философии. К тому же, Декарт высоко ценил интеллектуальные способности женщин и считал их едва ли не лучшими своими ученицами.

Знаменитая переписка Декарта и пфальцграфини Елизаветы, принцессы Богемской, началась после публикации его «Размышлений о первоначальной философии» (*Meditationes de prima philosophia*, 1642). В первом же своем письме от мая 1643 года Елизавета задала французскому философу вопрос, касающийся соединения души и тела и самого понятия души: «...каким образом душа человека может побуждать телесные духи (*esprits du corps*) к выполнению произвольных действий (хотя она — всего лишь мыслящая субстанция). Ведь представляется, что любое побуждение к движению происходит вследствие толчка, направленного на находящуюся в движении вещь... или, иначе говоря, это происходит в зависимости от характера и очертаний поверхности последней. Для первых двух условий требуется соприкосновение, для третьего — протяженность. Вы полностью исключаете эту последнюю из Вашего понятия души, и мне представляется, что она несовместима с нематериальной вещью. Поэтому-то я и прошу у Вас определения души, более подробного, нежели в Вашей «Метафизике» [«Размышлениях о первоначальной философии» — В.Т.], а именно определения ее субстанции, отделенной от ее действия, то есть от мысли»³. В целом принцесса принимает дуализм Декарта и его метод разделения трудностей, о чем свидетельствует конец вышеуказанного письма — «рассматривая их [душу и мысль — В.Т.] порознь, мы можем получить более совершенную их идею» — но чувствует, что этот вопрос философ недостаточно осветил в своем произведении⁴. Именно Декарт не дал Елизавете обратиться к скептицизму: «Я откажусь обрести уверенность в чем-либо на свете, если ее не дадите мне Вы, единственный, кто помешал мне стать скептиком»⁵.

В 1640-е гг. Елизавете представилась возможность проверить теорию своего учителя на практике. Ее братья во главе с Рупертом воевали в Англии; в 1645 г. ее брат Эдуард женился на маркграфине Анне Гонзага и перешел в католичество. Вследствие всех этих огорчений Елизавета серьезно болеет. В письме, датированном 18-м мая 1645 года, Декарт пишет по поводу ее недомогания: «Я понял... что Ваше высочество страдали медленной лихорадкой, сопровождавшейся сухим кашлем, и что после пяти- или шестидневного перерыва болезнь возвратилась к Вам, однако за [пятнадцать-шестнадцать дней] Ваше высочество стали чувствовать себя лучше... Наиболее распространенной причиной медленной лихорадки бывает печаль»⁶. Философ считает, что Елизавета должна отрешиться «от всякого рода печальных мыслей, а также от любых серьезных размышлений на научные темы», и отдохнуть на лоне природы, внушая себе, что у нее «нет никаких мыслей»⁷. Но принцесса не может забыть о материнских долгах, о неудачных для правителей Пфальца переговорах об окончании Тридцатилетней войны. Она называет себя не настолько разумной, как сам Декарт, но и не настолько неразумной, чтобы «находить общие радости с теми, с кем вынуждена жить»⁸. От метафизических размышлений Елизавета переходит к этике: «Познание бытия Бога и его атрибутов может дать нам утешение в

¹ Una Birch. *Anna Van Schurman, Artist, Scholar, Saint*. L., 1909. P. 28–29.

² Godfrey E. *A Sister of Prince Rupert. Elizabeth Princess Palatine and Abbess of Herford*. L.: John Lane, 1909. P. 58.

³ Декарт Р. Соч. В 2-х т. Т.2. М.: Мысль, 1994. С. 489–490.

⁴ Там же. С. 490.

⁵ Там же. С. 598 прим. 11.

⁶ Там же. С. 502.

⁷ Там же. С. 505.

⁸ Nye A. *The Princess and the Philosopher: Letters of Elizabeth of the Palatine to Rene Descartes*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield Publ., 1999. P. 45–46.

тех наших бедах, что проистекают из обычного хода природы и из установленного в ней Богом порядка... однако это познание не объясняет зла, причиняемого нам людьми, чья воля представляется нам совершенно свободной, и одна только вера может нас убедить в том, что Бог озабочен руководством человеческими волеизъявлениями и что он преопределил судьбу каждого из нас еще до сотворения мира... Как соразмерить несчастья, которые мы взваливаем на себя ради общества, с долженствующим проистекать из этого благом без того, чтобы это зло казалось нам тем большим, чем отчетливей представляется нам его идея? И каким правилом должны мы руководствоваться для сравнения столь по-разному известных нам вещей, как наши собственные заслуги и заслуги тех, с кем мы живем? Заносчивая натура всегда перетянет чашу весов, тогда как скромный человек оценит себя ниже своих заслуг»¹. Елизавета снова обращается к картезианскому методу, в частности, к его энумерации или индукции: «Дабы извлечь пользу из частных истин, о которых Вы пишете, необходимо точно знать все страсти и интересы, большинство из которых неощутимы»². Ее главной проблемой остается — как совместить неразумные придворные обязанности и разумную добродетельную жизнь: «Наблюдая обычаи страны, в коей мы обитаем, мы обнаруживаем иногда весьма неразумные нравы, которм, однако, необходимо следовать, дабы избежать еще больших неполадок... С тех пор как я здесь нахожусь, я набралась довольно горького опыта... я связана необходимостью уступать бесцеремонным законам вежливости, заведенным для того, чтобы я не наживала врагов»³.

Утешение и поддержка Декарта, который подчеркивал, что Елизавете удастся совмещать и нехарактерную для представительниц ее пола научную деятельность, и помощь родным и близким, не могли быть защитой от несчастий, то и дело обрушивавшихся на ее семью. В июне 1646 года брат Елизаветы Филипп убивает прямо на улице французского дворянина маркиза д'Эпине. Ходили слухи, что этот француз волочил за Елизаветой Богемской-старшей и за принцессой Луизой. Известный историк и собиратель анекдотов Таллеман де Рео приписывал идею напасть на д'Эпине принцессе Елизавете: «Ходит слух, будто девица [Луиза] забеременела и отправилась рожать в Лейден, ибо иначе об этом пошли бы толки. Принцесса Елизавета, девушка добродетельная, обладавшая весьма незаурядными познаниями и гораздо более миловидная, чем Луиза, не могла стерпеть, что ее мать, королева Богемии, относится благосклонно к человеку, нанесшему такое оскорбление их дому. Она подстрекнула своих братьев напасть на него; но Курфюрст ограничился тем, что сбил с головы л'Эпине шляпу, когда тот, прогуливаясь как-то пешком, накрылся по приказу королевы, поскольку накрапывал дождь. А самый младший из братьев, по имени Филипп, воспринял это оскорбление острее других и однажды вечером... напал на л'Эпине»; затем Таллеман сообщает, что в тот раз их удалось разнять, однако, спустя некоторое время Филипп вместе с восемью или десятью англичанами снова напал на д'Эпине среди бела дня, и на сей раз тот был убит⁴.

Принца Филиппа изгнали из Гааги, а Елизавета, заподозренная в соучастии (хотя, судя по версии Таллемана де Рео, она не имела целью убить д'Эпине), уехала в Германию. Родственники приняли ее очень тепло, она радовалась их любви к ней. Осенью того же года Елизавета посылает Декарту «Государя» Н. Макиавелли — интересно, что именно благодаря своей молодой ученице французский философ впервые познакомился с этой знаменитой книгой. Вскоре пребывание в Германии утомило Елизавету. В одном из писем Декарту она жаловалась, что только книги не дают ей отупеть⁵.

Переписка Елизаветы с Декартом касалась не только метафизических, физиологических и этических вопросов, но и математических задач. Декарт высоко оценивал способности принцессы к геометрии и говорил, что «единственный ум», которому доступны и математические, и метафизические истины — это ее собственный⁶.

В отношениях Елизаветы и ее старой подруги Анны-Марии ван Шурман к середине 1640-х годов произошло охлаждение. Как показывает письмо Шурман Елизавете от января

¹ Декарт Р. Сочинения. Т. 1. С. 521–522.

² Там же. С. 522.

³ Там же. С. 522.

⁴ Таллеман де Рео, Жеден. Занимательные истории. Л: Наука, 1974. С. 130.

⁵ Уе. Ор. cit. P. 122–123.

⁶ Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. СПб: Мифрил, 1994. С. 213.

1644 года, голландская мыслительница выше всех философов ставит Св. Августина и Аристотеля и придерживается системы схоластиков, а к новым системам — в том числе и к картезианству — относится с подозрением. Елизавета, в свою очередь, хотя и написала в одном из писем Декарту весной 1646 года, что опыт в ее придворной жизни помогает ей лучше разума, твердо держалась картезианства¹.

К 1649 году у Декарта появилась идея познакомить принцессу Елизавету с другой своей ученицей и покровительницей — королевой Кристиной Шведской. По мнению Куно Фишера, французский философ надеялся «использовать могущественное влияние Швеции к выгоде Елизаветы и ее дома»². Тем не менее, встреча двух царственных особ так и не состоялась. Осенью Декарт отправился в Швецию. Елизавета надеялась, что он не задержится там надолго, и выражала свое удовлетворение его лестным отзывом о шведской королеве: «Такое описание... заставляет меня ценить себя более, чем я делала это раньше... Образ столь одаренной женщины... избавляет наш пол от обвинений в глупости и слабости, которые налагают на нас господа педанты»³. Это нечастое в письмах принцессы Елизаветы высказывание в защиту женского пола свидетельствует о ее озабоченности тем, какое место предназначалось женщинам в интеллектуальном пространстве Европы XVII века.

По Вестфальскому миру 1648 года старший брат Елизаветы Карл Людвиг был восстановлен в своих наследственных правах и стал правителем Пфальца. В феврале 1650 года в Швеции скончался Рене Декарт.

В начале 1650-х годов принцесса Елизавета вернулась в свой родной город Гейдельберг и поселилась при дворе Карла Людвига. К концу 1651 года вновь открылся Гейдельбергский университет. После смерти Декарта принцесса Елизавета находила утешение в общении с учеными и в философских диспутах. По мнению Куно Фишера, «Елизавета первая посеяла семена картезианской философии как в Берлине, так и в Гейдельберге, и если Карл Людвиг много лет спустя хотел пригласить философа Спинозу в Гейдельберг (1673), то только потому, что знал, что Спинозе принадлежит лучшее изложение учения о принципах Декарта»⁴. Помимо философии принцесса продолжала играть роль старшей сестры, устраивала будущее своих младших сестер, принимала участие в государственных делах. 1650-е годы, по всей видимости, были довольно счастливыми для нее.

В 1658 году сестра Елизаветы Луиза переходит в католичество и становится аббатисой Мобюиссонского монастыря. Решение Луизы путает планы ее старшей сестры, которая хотела, чтобы та отправилась в качестве помощницы настоятельницы в протестантский монастырь в Герфорде. Герфордское аббатство в Вестфалии — интересное явление в религиозной жизни Германии. Оно было основано Людовиком Благочестивым в 939 году, а с 1565 года его аббатисы избирались только из числа лютеранок. Аббатиса Герфордского монастыря имела право голоса в рейхстаге и управляла не только аббатством, но и прилежащими территориями с населением около 7000 человек.

После обращения Луизы Елизавета стала подумывать о месте помощницы настоятельницы для самой себя. В то время аббатисой была ее кузина, которая, по-видимому, опасалась появления Елизаветы в Герфорде — боялась, что та будет проводить нежелательные реформы. Принцесса уверяла ее, что не собирается делать ничего подобного. Наученная горьким опытом своей семьи, она считала, что «восстановление мира и порядка является самым мудрым деянием»⁵.

В 1662 году Елизавета становится помощницей настоятельницы, а в 1667 году — аббатисой Герфордского монастыря⁶. Исследователи расходятся в оценке той роли, которую сыграла принцесса в жизни обители. Одни считают, что «она превратила его не в суровый

¹ Nye, Op. cit. P. 94.

² Фишер К. Ук. соч. С.215.

³ Nye, Op. cit. P. 167.

⁴ Фишер К. Ук. соч. С. 216.

⁵ Godfrey, Op. cit. P. 291–292.

⁶ В официальных бумагах ее стали именовать аббатисой Герфорда еще раньше. См. документ, хранящийся в Британской библиотеке: BL Add. Ch. 8477. Elizabeth Abbess of Herworden, daughter of the El. Pal. Frederic V. Confirmation to a pension to 1663.

монастырь, а в свободную философскую академию и в убежище для ученых людей всех наций, всякого вероисповедания и всякой секты»¹. Куно Фишер называет подобное мнение «выдумкой» и утверждает, что философские интересы принцессы «были отодвинуты на задний план религиозными интересами, постепенно овладевшими ее душою после стольких тяжелых ударов судьбы и стольких потрясений»². Елизавета, действительно, искала опору в религии, но, по-видимому, так и не нашла ее. Совсем незадолго до смерти она признавалась своему новому другу, знаменитому квакеру Уильяму Пенну: «Я совершенно неспособна учить других, ведь меня саму не наставляет Господь»³. Елизавета испытывала живой интерес к религиозным сектам, в частности, к лабадистам и квакерам. В 1670 году она дала приют своей старой подруге Анне-Марии ван Шурман, которая попросила для себя и своих братьев-лабадистов убежища в Герфорде. Елизавета проявила свойственную ей самостоятельность в принятии решений и пригласила Шурман и ее сподвижников к себе. Она считала, что столь ревностные христиане, как лабадисты, будут служить прекрасным примером для жителей Герфорда. Елизавета старалась развеять неблагоприятные для лабадистов слухи, подчеркивая, что их образ жизни «благочестивый и образцовый», а сами они «люди честные и достойные, обладающие здравым смыслом и рассудительностью»; к тому же, они вносят полезный вклад в экономику города⁴. Тем не менее, герфордцы не согласились с мнением аббатисы и начались раздоры. В 1672 году Шурман и ее товарищи покинули Герфорд.

Однако интерес принцессы Елизаветы к религии не означал отсутствия интереса к науке и философии. Из письма к Т. Хааку от мая 1665 года следует, что она продолжала популяризировать учение Декарта, передавая письма покойного учителя, касающиеся геометрии, кембриджскому платонику Генри Мору⁵. В своем послании Елизавета просит Хаака прислать ей экземпляр «Философских записок» — журнала Лондонского Королевского Общества, который только в том году начал выходить в свет, и проявляет живой интерес к опытам Роберта Бойля и новому микроскопу. Хотя письмо Хааку отправлено из Берлина, к 1665 году Елизавета уже выбрала Герфордское аббатство в качестве своего постоянного местопребывания. Ученице Декарта удавалось совмещать и религиозность, и увлечение философией.

Пфальцграфиня Елизавета, принцесса Богемская, умерла в Герфорде в 1680 году. Люди, знакомые с ней, неизменно отзывались о ней с восхищением и симпатией. В конце жизни он произвела сильное впечатление на Уильяма Пенна. Лейбниц говорил, что принцесса Елизавета «столь же высока по своему уму, как и по рождению»⁶. Старинная подруга Елизаветы Анна-Мария ван Шурман отозвалась о ней в своей автобиографии «Правильный выбор»: «Должно быть, сорок лет прошло с тех пор, как, презрев фривольности и суетность других принцесс, она обратила свой разум к благородному изучению самой возвышенной науки; ее привлекла во мне общность вкусов и интересов, и она выказывала свою приязнь как во время своих визитов, так и в своих письмах... Воспоминания о моей прошлой жизни пробудили в ней старую дружбу... она написала мне, предложив убежище»⁷.

Наконец, сам Декарт в посвящении к «Первоначалам философии» сказал, обращаясь к своей ученице, такие слова: «Сиятельная государыня, я извлек величайший плод из сочинений, выпущенных много ранее в свет, благодаря тому, что Ты изволила их просмотреть и они обеспечили мне доступ к Тебе и знакомство с Тобою; при этом мне открылись такие Твои дарования, что я считаю своим человеческим долгом явить их векам в качестве образца... ни требования придворной жизни, ни привычное воспитание, обыкновенно обрекающее девушек на невежество, не смогли воспрепятствовать Твоим занятиям всеми благородными науками и искусствами. Далее, высокая и несравненная проницательность Твоего ума

¹ Цит. по: Фишер К. Ук. соч. С. 216 прим.

² Там же. С. 216.

³ Godfrey. Op. cit. P. 330.

⁴ Saxby T.J. The Quest for the New Jerusalem, Jean de Labadie and The Labadists, 1610–1744. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 196.

⁵ BL Add. 4365 f. 196. Letter to T. Haak (Theodore Haak, translator, d. 1690) 1665. Fr. copy.

⁶ Фишер К. Ук. соч. С. 218.

⁷ Цит. по: Godfrey. Op. cit. P. 119.

очевидна из того, что Ты глубоко заглянула в тайны этих наук и в кратчайший срок тщательно во всем этом разобралась... Когда я наблюдаю столь многообразное и совершенное знание всех вещей не у гимнософиста, старика, имевшего в распоряжении многие годы для созерцания, а у девушки-правительницы, своим обликом и летами напоминающей не столько воительницу Минерву или какую-либо из Муз, сколько Хариту, я не могу не отдать во власть величайшего восхищения. Наконец, как я замечаю, не только в отношении любознательности, но и с точки зрения силы воли не остается ни одного качества, требуемого для абсолютного и высокого знания, которое не сияло бы в Твоем нравственном облике. Ведь в нем явно проступает выдающаяся, величественная доброта и кротость, кою несправедливости судьбы постоянно ранят, но никогда не выводят из терпения и не ломают».¹

Принцесса Елизавета Богемская — одна из самых известных и самых ярких женских фигур в европейской философии и культуре XVII века. Ее роль в распространении картезианства в Европе, религиозная терпимость выделяют ее на фоне других ученых женщин этого времени. Однако долгое время Елизавета оставалась в тени своего знаменитого учителя. Ее письма до недавнего времени оставались неопубликованными, да и сейчас значительная часть ее корреспонденции разбросана по европейским библиотекам и архивам. Между тем, пфальцграфиня Елизавета, принцесса Богемская, является одной из самых значительных женщин-философов XVII века.

V.S. Trofimova

Woman's Voice in seventeenth-century Cartesianism: Princess Elizabeth of Bohemia

The article tells about the life and activities of the prominent woman philosopher of the XVIIth century — Princess Elizabeth of Bohemia. Elizabeth's philosophical opinions are analyzed taking into consideration her personal experience. Special attention is paid to her relationships with Anna Maria van Schurman and Rene Descartes. A stress is made on philosophical correspondance between Elizabeth and Descartes.

---

¹ Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т. 1. С. 299–300.